

Валерий Красовский

*Посвящения
влюбленным*

Валерий Красовский

Посвящения влюбленным

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22758854

ISBN 9785448360183

Аннотация

В книге представлены избранные сюжеты о непростых взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, которые иногда ограничиваются дружбой, а порою превращаются в любовь, объединяющую их на всю жизнь.

Содержание

Флейта	5
Совершенство мира	8
Чадо из Чада	12
Жанна, айсулу и романсы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Посвящения влюбленным

Валерий Красовский

© Валерий Красовский, 2019

ISBN 978-5-4483-6018-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Флейта

В подземном переходе были слышны звуки похожие на звучание флейты. Кто-то играл незатейливую грустную восточную мелодию. Она мне показалась удивительно знакомой, и я начал вспоминать, где и когда мог слышать подобное. Я медленно перебирал в памяти события своей жизни, но все не складывалось. Мелодия задевала за живое, призывала к воспоминаниям, возможно, даже просила о помощи. Я решил спуститься в подземный переход и посмотреть на музыканта. Когда я подошел вплотную к месту, откуда доносились звуки, то не поверил своим глазам: на каком-то самодельном музыкальном инструменте, отдаленно напоминающем флейту, играла девочка лет семи, худенькая, щуплая, смуглая, похожая на индианку. Рядом с ней на холодном бетоне перехода лежала детская бейсбольная кепка, в которой было несколько мелких денежных бумажек. – Может быть, тебе есть не на что? – спросил я девочку и положил в кепку несколько бумажек гораздо крупнее той мелочи, которую она собрала. – Да, у нас с мамой нет денег, а еще мама заболела, – на чистом русском языке сказала малышка со смуглой кожей, черными глазами и болезненной синевой на веках. Девочка снова начала играть. Я добавил еще несколько денежных бумажек. – А кто твой отец? – Пакистанец. Но он нас бросил и куда-то уехал. Я что-то говорил, пытаясь ее при-

ободрить, но девочка, не обращая на меня внимания, продолжала наигрывать свою печальную мелодию. Выйдя из перехода, я направился на автовокзал и тут вспомнил, где и когда слышал этот мотив. Это было в одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году в конце апреля в Кабуле, куда я вылетел на попутном транспортном самолете, везшем продовольствие, в основном свежий чеснок. Мне необходимо было передать для госпиталя и кабульской станции переливания крови медикаменты и специальные пластиковые системы. Летели на высоте недоступной для стингеров, а над Кабулом транспортник, выстреливая тепловые ракеты начал резко снижаться, так что появилось ощущение невесомости. На аэродроме меня уже ждал медицинский узик. Мы погрузили имущество и по лабиринтам улиц без светофоров вскоре добрались до места назначения. Позже, когда начало смеркаться, я решил пройтись по территории госпиталя. Откуда-то из пустыни продолжал дуть горячий иссушающий поток воздуха. Внизу, как на ладони был виден Кабул. Он как бы вырастал, отпочковывался, сползал с гор Гиндукуша. Афганские строители прокладывали коммуникации, поэтому везде были траншеи с трубами и кабелями. Они все делали старательно, для себя, так как знали, что через год мы собираемся уйти. Вскоре совсем стемнело, и строители прекратили работу. В это время послышалась песня, очень грустная, почти плач. Я двинулся в этом направлении и увидел прилегшего отдохнуть прямо в траншее щуплого афган-

ца. Наши взгляды встретились, но он не прервал своей песни. Я прошел мимо. Его усталое лицо с печальными черными глазами и впалыми щеками врезалось в память, как и мелодия его песни.

Через несколько дней я снова приехал в Витебск по своим делам и спустился в тот же подземный переход, чтобы увидеть девочку и помочь, чем смогу. Однако ее там не оказалось. На автовокзале я узнал, что малышку определили в детский дом. Что случилось с ее матерью осталось для меня неизвестным.

Совершенство мира

Я стоял на городской остановке в ожидании автобуса. По неизвестному побуждению мной в тот момент овладело чувство необычности происходящего. Казалось, что все вокруг насыщено великим смыслом бытия, и природа достигла вершины безупречности и совершенства. Синева неба, меняя свои оттенки, уходила в бесконечные просторы. Туда же неодолимой силой интереса влекло и душу. Солнце светило ярко, щедро, но не обжигаяще, а ласково с добрыми намерениями человека, глядящего по голове маленького ребенка. Вальяжно плывущие по небу редкие белые облака аристократически соблюдали очередность и дистанцию движения. Казалось, делом чести у них было не притеснить соседа и не создать толчеи. Порой, приобретая удивительные формы, они начинали будить воображение у тех, кто неравнодушен к небесным представлениям. Трава, политая ночным дождем, зеленела во всю мощь своего спектра. На дуновения ветерка листья на деревьях отвечали едва заметным колебанием, словно отмахиваясь от его назойливости, и были всецело поглощены только своим излюбленным фотосинтезом. Городские кварталы были полны жизни, но не содрогались децибелами чувств и страстей, найдя гармоничную середину своих устремлений. Движение транспорта покорило власти сигналов светофоров и дорожных знаков. Ред-

кие постовые милиционеры отдыхали. Пассажиры выходили и входили в двери автобусов и троллейбусов, уступая дорогу немощным и слабым. Прохожие, одни поспешно, другие помедленнее двигались по улице в обоих направлениях. Лица у них были то сосредоточенные и внимательные, то радостные и улыбочивые. Детишки совсем маленькие покоряли пространство, сидя в колясках, те, что постарше, под присмотром своих родителей резвились рядом в модных шортах и футболках с надписями на латинице. Люди бросали хлебные крошки голубям, галкам и воробьям и те без обычной сварливости и даже потасовок мирно поедали их. Я обратил внимание на девушку. Она стояла несколько поодаль от остальных. Ее красота была написана юностью. Локоны волос оживали, когда она быстро поворачивала голову. Наряд ее составляла цветная блузка и короткая юбка, на ногах изящные туфельки. Фигурка девушки была безупречной, как она ни поворачивалась. Шея казалась выточенной из самого драгоценного жизненного материала и подчеркивала гармонию линий. Кожа, покрытая легким загаром, намекала о бескорыстной дружбе с солнцем. Руки с нежными пальчиками, бугорки ключиц, грудь, живот, талия, изгиб спины, скользнувший через ягодицы на бедра, стройные ноги образовывали вместе какой-то магический союз, противостоять которому не было сил. Взгляд сам собой устремлялся в ее сторону. Она кого-то ожидала и в нетерпении посматривала по сторонам. Вскоре к ней подошла еще одна девушка совер-

шенно не привлекательная, обычная и простая, как тысячи других. Они улыбнулись друг другу и заговорили на языке глухонемых, жестикулируя руками и работая мимикой. Гармония, которую я только что возвел в душе и переместил в мир, вдруг рухнула в одночасье. Мне стало обидно и больно, несправедливость существовала и властвовала в мире. «Совершенство, гармония и красота, – подумал я, – всего лишь вымысел». Я посмотрел на небо. Облака стали наслаиваться друг на друга, и солнце скрылось за одним из них. На тротуаре я заметил немало брошенных бумажек. К мусорному баку подошел человек неряшливого вида с кровоподтеком по левым глазам, выудил из него быстрым движением руки пивную бутылку, положил ее в авоську и со степенным видом удалился. Трава в сквериках была вытоптана там, где люди ходили напрямик, сокращая дорогу. Откуда-то со двора слышалась брань. Рядом прошелся милиционер. Машина проехала на желтый сигнал светофора, следом слышался визг тормозов, но все обошлось. Две женщины среднего возраста повздорили во время посадки в троллейбус. Воробей нагло выхватил кусочек хлеба прямо из клюва у голубя и улетел. Я снова посмотрел в сторону девушки. Она стояла совсем рядом и смотрела прямо на меня своими, излучающими синеву хитроватыми искрящимися глазами и улыбалась. Наши взгляды встретились. – У вас сверток упал, – вдруг звонким, как ручеек голосом произнесла она. От столкновения эмоций радости, удивления и неверия я

на миг пришел в замешательство, но быстро овладел собой и, поднимая упавшее, неуверенно произнес: – Так вы же глухонемая... – Я преподаватель, работаю с глухонемыми... А вы не все подобрали, что у вас выпало. Затем она вслед за другими пассажирами вошла в дверь остановившейся маршрутки. На небе опять ярко светило солнце, я попытался вернуться к ощущению первоначальной гармонии и умиротворенности, но тот мир был уже в прошлом.

Чадо из Чада

Как гласят научные теории, живая природа развивается путем изменений в наследственном аппарате, именуемых по-ученому мутациями. Возникающие живые существа с новыми проявлениями обязаны ответить на единственный вопрос естественного отбора: быть или не быть им в такой генетической интерпретации. Человек также видоизменяется. Одновременно идут два процесса – совершенствование и деградация. Мужчина и женщина, заключая брак, всегда задумываются об этом. Их дети могут быть сильнее, здоровее, умнее, или наоборот, слабее, болезненней, глупее их самих. Самая выраженная деградация – это уродство. Зная геном здорового человека, можно прогнозировать и предупреждать целый ряд заболеваний и давать рекомендации, собирающимся вступить в брак. Человек – прирожденный творец и экспериментатор, как в искусствах, так и в проявлении своих жизненных инстинктов. Создание семьи – наш самый главный в жизни эксперимент на продолжение рода.

Две женщины шли к автобусной остановке. Та, которая была старше, катила модную прогулочную коляску с сидящим в ней темнокожим курчавым ребенком годовалого возраста. Рядом шла ее молодая беременная спутница, мама малыша. Старшую женщину звали Евдокия Трофимовна по фамилии Гарцун. Она этим летом жила на своей да-

че на окраине поселка вместе со своей единственной дочерью Фаиной и ее эксклюзивным для данной местности малышом. Несмотря на пенсионный возраст, Евдокии Трофимовне шел шестьдесят первый год, она, имея экономическое образование, еще подрабатывала до момента появления внука. Волосы Гарцун были окрашены в яркий, броский, можно сказать пылающий оранжево-кирпичный цвет. Сама она была от рождения веснушчатой и рыжеволосой. Пигментные пятнышки во множестве были заметны на ее лице, шее, руках, голенях. Вдохновительницей мужчин ей трудно было стать, ввиду отсутствия обаяния природной красоты, но стать семейной опорой ей было запросто. Она была однажды замужем. Но муж, то ли бросил ее, то ли сбежал в неизвестность, оставив её на воспитание дочь, рыжую, веснушчатую и малорослую, как мать. Фаина окончила педагогический институт. Сменила несколько мест работы. Ей было уже за тридцать, но замуж выйти так и не смогла. В дачном поселке она также никому не приглянулась. Но однажды, прогуливаясь по городскому парку, она столкнулась с иссиня-черным африканским студентом и шарахнулась в сторону от испуга. Но африканец так искренне и белозубо улыбался и, возможно, крайне нуждался в женщине, что привело к знакомству и последующему рождению ребенка. На черный континент Фаина ехать не собиралась, так как уважала Корнея Чуковского и прислушивалась к его советам. Кормящие матери обычно не беременеют, вследствие опреде-

ленного гормонального фона, но Фаина стала исключением и через несколько месяцев собиралась стать мамой во второй раз. Дачники несколько раз видели темнокожего человека возле дома Гарцун, но потом он перестал там появляться. Вроде бы закончил обучение и возвратился в свою таинственную страну с названием Республика Чад.

Жанна, айсулу и романсы

Из книги «Объединяя времена»

Поваром в студенческом строительном отряде «Альбатрос» была Жанна Полунина, студентка со стажем работы на комсомольских стройках, успевшая неудачно побывать замужем, не без труда одолевшая пять курсов медицинского института. В качестве бригадиров выступали студенты с жизненным и трудовым опытом, остальные – еще вчерашние второкурсники, не нюхавшие целинного степного воздуха ни разу в жизни.

Первую неделю проживания студентов кормили в основном кашами, консервами, да поили чаем. Работа же требовала больших силовых затрат: студенты делали вручную цементные растворы, клали бутовый камень, изготавливали саманные кирпичи, грузили в карьере лопатами песок и прочее. По этой причине задора в их глазах поубавилось, в движениях появилась медлительность, маленькие перерывы на отдых участились, а все приехали, и это не скрывали, заработать, чтобы подкрепить скудный студенческий бюджет. Жанна своим опытным женским взглядом ловила все нюансы стройотрядовской жизни, ее зарплата зависела от нашего общего заработка, и для нее делом чести было, как и ее

двух помощниц, студенток младших курсов, держать бойцов отряда в надлежащей физической кондиции. Поразмыслив, она поняла, что надо действовать, и отправилась в совхозную контору, где застала руководителя стройотряда, ассистента кафедры марксизма-ленинизма медицинского института Карасева Вилена Тельмановича, и заявила:

– Вилен Тельманович, мальчишки недоедают, мы кормим их недостаточно! Работа же у них тяжелая.

– С чего ты взяла? – то ли недоуменно, то ли возмущенно возразил руководитель отряда.

– Похудели, осунулись немного, – доказывала Жанна.

– Ну, это у них адаптация.

– Трудятся вяло. На консервах без витаминов при такой работе много не наворочаешь.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь! – не очень уверенно возразил Вилен Тельманович.

И тут Жанна решилась на последний бронебойный довод с ее точки зрения: – Их даже на любовные романы не тянет!!!

Торопливо ходивший по комнате в ожидании прибытия местного начальства Вилен Тельманович резко остановился, как то с изумлением посмотрел в лицо Жанне и сказал: – Ладно, ты возвращайся в отряд, займись своими делами.

Со следующего дня ситуация резко изменилась, меню было не узнать: утром гречневая каша и свежая баранина, компот без ограничения, на обед наваристый борщ из свинины, второе из тушеной капусты с рисом и мясным фаршем...

И пошло поехало. Студенты повеселели, работа спорилась. Валерий Еремин с Василием Шуваловым работали каменщиками в бригаде по возведению бани из бута. Роман Залесский участвовал в подвозе песка из карьера, расположенного в степи неподалеку от соленого озера с историческим названием Эльтон, при этом никогда не расставался со своим спутником – фотоаппаратом «Смена». Игнат Камский и Родион Перфильев вызвались участвовать в изготовлении самана. Эта работа считалась одной из самых трудных.

Однажды вечером к Жанне подошел Володя Шаталов и сказал на местном наречии:

– Мен сен сьемен! – что означало «Я тебя люблю!»

Жанна ему ответила:

– Я понимаю только «сыктым бар!?» – Володя смущенно удалился.

По вечерам, которые в степи были необъятного масштаба и красоты, Жанна уходила за пределы аула с кем-либо из студентов со стажем, юные неопытные второкурсники ее не интересовали. Они были статистами на том празднике любви. За весь первый месяц работы у студентов было только два выходных, один из которых они посвятили поездке на озеро, а второй – игре в футбол с командой соседнего стройотряда «Вымпел». В августе на заключительном этапе работы стройотряда, ради поездки в Волгоград к мемориальному комплексу на Мамаевом кургане, студенты пожертвовали всеми выходными. Свободного времени было мало, лишь

час-другой вечером перед сном.

В совхозном поселке было около двухсот домов, магазин, начальная школа. Дети постарше получали образование в районном центре. Выпускники всегда ездили поступать в техникумы и вузы по всей стране и теперь возвращались по домам, одни с радостью на лице, другие были опечалены. В свой родной дом вернулась также Айсулу. Она набрала проходной балл и сейчас ждала вызова в педагогический институт. Это была очень красивая, стройная девушка, ходившая в платье с национальным казахским орнаментом. Она охотно общалась со студентами по вечерам, никого из них не выделяя. Как-то так получилось само собой, что в нее влюбились в большей или меньшей степени, многие из младшей когорты студентов. Начались песни под гитару, пантомимы, чтение стихов, пересказы разных небылиц и анекдотов. Число слушателей и участников росло, образовалось нечто напоминавшее театр под открытым небом. Туда приходили также взрослые из местных жителей. Все небесные люстры светили на Айсулу. Ей нравилось быть в центре внимания. В день отъезда студенты превзошли себя и устроили настоящий фестиваль, исполнив массу песен и романсов в задорном студенческом исполнении. Жанна сокрушалась, что про нее забыли даже те, с которыми она гуляла по степи, и хмуро одна упаковывала свой рюкзак и сумку, приговаривая: «Неблагодарные!»

Вдруг откуда-то, как привидение из лунного света, пока-

зался Шаталов. Он подошел к Жанне и, протягивая маленький букетик степных цветов, сказал:

– Это тебе, Жанна! Ты со своими девчонками хорошо нас кормила. Я даже так дома не ел. Спасибо!

Жанна была тронута и почувствовала, как на ее глаза навертываются слезы. Она привычно взяла себя в руки. Затем сказала:

– Может, погуляем по степи напоследок?!

– Нет, пожалуй, я пойду. Меня там ждут. А ты не сиди тут одна. Приходи.

Когда совсем стемнело, и луна засияла во всем великолепии в звездном окружении, Жанна пошла в поселок, где была импровизированная танцевальная площадка. Студенты пели и танцевали, приглашая местных девчат, среди которых была и Айсулу, что в переводе означало «лунная красавица или дочь луны».

После вычета из заработанных денег затрат на питание студенты за два месяца изнурительного труда получили на руки чуть больше чем по двести рублей. Эта сумма была отнюдь не той, на которую рассчитывали. Стихийно создавалась инициативная группа и направилась к руководству совхоза. Что-либо выяснить ей не удалось. Рождались предположения и слухи о воровстве. Несколько неприятных вопросов были заданы руководителю отряда ассистенту кафедры марксизма-ленинизма. Однако с тем и уехали. Уже по осени, во время учебы на третьем курсе до участников трудо-

вого семестра дошла информация, что в хищениях был уличен товарищ Карасев и его сообщники из числа руководства совхоза. Поговаривали о судебном разбирательстве, но дело застопорили вышестоящие покровители.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.